

«БЕЛЬ ЭПОК» ПО-ПРОВИНЦИАЛЬНОМУ: МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Модернизационные процессы в российском городе рассматриваются на примере культуры средних слоев губернской Перми рубежа XIX–XX вв. Через призму «прекрасной эпохи» показываются индустриальная урбанизация, распространение стиля Art Nouveau, потребительская культура средних слоев, новые формы досуга. Для Российской империи начала XX в. термин «прекрасная эпоха» является спорным, однако он может иметь легитимность при характеристике городской культуры.

Ключевые слова: cultural modernity; Belle Époque; урбанизация; Art Nouveau; массовая культура; консюмеризм; досуг.

В фильме «Большие гонки» Б. Эдвардса, в комедийном ключе изображавшем трансконтинентальный автопробег 1908 г., эпизод, когда гонщики прибывают в Россию, был вырезан в советском прокате. На экране ночь, угрюмые люди с факелами в руках и транспарант «Вас приветствует Тобольский клуб автомобилистов». «Большие гонки» замечательно показывают «прекрасную эпоху» с ее феминистками, увлечением авиацией и автомобилями. Между тем и в России все было несколько радужнее и перспективнее, чем это показано в фильме.

В периодизации Нового времени понятие «Belle Époque» относят к «менее конвенциональным» определениям, заимствованным из области культуры [1. С. 19]. Эта форма периодизации используется не во всех «историях», чаще всего встречается в культурной истории. Для Российской империи начала XX в. термин «прекрасная эпоха» также является спорным. Однако он может иметь легитимность при характеристике ее культурной истории. В экономике страны сохранялись диспропорции, происходило социальное расслоение, усиливалось революционное движение. Вместе с тем Россия имела высокие темпы промышленного развития, занимала ведущее положение в мировом сельском хозяйстве. На фоне благоустройства городов и доступности товаров идеалы «прекрасной эпохи» имели большую популярность в городской культуре.

Для обозначения более широкого спектра явлений общественной жизни второй половины XIX и начала XX в. фигурируют термины *modernity*, «эпоха модерна». В дискуссии вокруг статьи М. Дэвид-Фокс «Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная?», развернутой на страницах «Нового литературного обозрения» [2. С. 19–44], А. Эткинд обратил внимание на игнорирование прижившегося в российской историографии слова «модерн». «К примеру, словосочетание “русская культура модерна” приятно колеблется между значением “культура Нового времени” и “культура модернизма”, объемля эти пересекающиеся смыслы» [3. С. 70–73]. В обширном поле исследования модерности выделяются исследования культуры модерна (*cultural modernity*), вызванной к жизни бурной индустриализацией, быстрым расширением городов, растущим преобладанием среднего класса, изобретениями, меняющими текстуру повседневной жизни, буржуазным вкусом на товары, возможностями новых

медиа. Трансляторами ценностей «бель эпок» в столичных и провинциальных городах выступали новые технологии и товары, образование и печать, развлекательная культура.

Цель настоящей работы – рассмотреть модернизационные процессы в российском городе на примере культуры средних слоев губернской Перми рубежа XIX–XX вв. Через призму «прекрасной эпохи» представляется возможным показать инфраструктурный прогресс и социальное благоустройство города, распространение стиля Art Nouveau и потребительскую культуру средних слоев, новые формы досуга.

Западная историография по дореволюционной российской модерности включает работы о городской жизни и дачном отдыхе, потреблении и досуге, культуре низших слоев, однако касается лишь столичных городов [4–9]. Среди отечественных исследований выделяются книги А.Ф. Некрыловой о городских развлечениях, И.А. Муравьевой о «веке модерна» Северной столицы, С.Ю. Малышевой о времени отдыха и досуговом пространстве российского города на примере Казани и др. [10–15]. Историография раннего кино сегодня включает книги по истории распространения кинематографа в российских городах [16–20]. Выходят исследования провинциального модерна, касающиеся в основном архитектуры; имеются работы об архитектурном модерне в Перми [21–23].

Бурная промышленная революция XIX в. вызвала стремительный рост городов, резко увеличив их население. По данным переписи населения 1897 г. в Перми проживали 45 403 жителя (в 1913 г. – 75 тыс.), из них крестьян – 23 533 человек, мещан – 13 716, дворян потомственных и личных – 4 905, духовенства – 1 101, купцов – 703, иностранных поданных – 78, представителей остальных сословий – 1 169 [24. С. 2]. Статистика Российской империи фиксировала сословную принадлежность горожан. Вместе с тем происходила профессионализация общества. Пермь была губернской столицей, чиновничество составляло благородное «белое» сословие. Самым надежным путем достижения материального благополучия в провинциальном городе оставалась государственная служба [25. С. 162]. Город славился купеческими династиями, торговыми домами. В Перми развивалась региональная и транзитная торговля между европейской и азиатской частями страны. Наиболее прибыльной деятельностью пермских купцов являлось пароходство. Крупных предприятий в Перми было мало, среди них

машино-судостроительные, механические, фосфорный, серно-кислотный, лесопильный заводы, железнодорожные мастерские; преобладали мелкие производства, росло число мастерских. Вместе с тем активно развивалась «заводская деревня» Моговилиха.

Российские города, «деревни, играющие в прятки с городом», меняли свой облик под влиянием индустриального прогресса, хотя сохраняли свою специфику. Особенностью русской провинции являлось сочетание элементов городской культуры индустриальной эпохи и черт сельского поселения, оппозиция благоустроенного центра и городских слобод, рабочих предместий. Города росли в связи миграционными потоками из деревень, совмещали старый и новый уклад жизни. Многие горожане жили за счет собственного усадебного хозяйства, мелкого кустарного ремесла, сдачи комнат внаем. Миграции крестьянства оказывали влияние на культуру и менталитет городских жителей.

На рубеже веков на центральных пермских улицах зажглись электрические фонари, электричество появилось в домах. П.Н. Яблочков говорил тогда, что по способу освещения можно судить об уровне цивилизации в стране. Жили не без «электрических сюрпризов». Некоторые фонари стояли для украшения улиц, причем на значительном расстоянии друг от друга; на окраинах сохранялось керосиновое освещение. В 1905–1906 гг. проходило строительство городского водопровода, продолжалось мощение улиц, совершенствовались средства связи, расширялась городская телефонная сеть. Происходили изменения в сфере транспорта, заработали городские дилижансы. Трамвай как показатель развитой городской инфраструктуры тех лет в Перми появляется поздно. Относительно концессии на устройство электрического трамвая велись переговоры с французскими и английскими капиталистами, осматривались места возможных трамвайных веток, однако организация трамвайного сообщения столкнулась с трудностями, не решаемыми в короткий срок.

Первый автомобиль взбудоражил пермские улицы в самом начале XX в., вскоре сообщения об автомобильных гонках стали встречаться на страницах губернской прессы, распространялись автомобильные журналы. Я.Н. Ривош в книге «Время и вещи» пишет, что сначала появляются легковые машины, принадлежащие аристократии и крупной буржуазии, затем таксомоторы, вслед за ними грузовые машины, пожарные автомобили и т.д. Самыми распространенными марками легковых машин были французские «Дийон-Бутон», «Пакар-Лэвассер», «Рено», «Пежо», немецкие – «Доймлер-Бэнц», «Мерседес», «Опель», итальянские – «Фиат», «Мангия» [26. С. 72]. Среди рекламных объявлений пермских газет также встречалась реклама американского «Форда». В городе появилась карета скорой помощи, функционировали таксомоторы: «Публика уже привыкла к автомобильному сообщению», – писали газеты [27. 1909. 24 сент. № 205]. Тарифы были фиксированные: «Г. Возжаемым установлена следующая такса езды на автомобиле; дневная езда: в 1 час с 2 персон 3 руб.; стоянки 1 руб. 50 к.; с 3 персон – 4 руб.; стоянки – 2 руб.; с

4 персон – 5 руб.; стоянки – 2 руб. 50 к.» [27. 1910. 15 июня. № 127].

Передавая ощущения времени, И. Северянин рифмовал: «Стрекот аэропланов! Беги автомобилей! Ветропросвист экспрессов! Крылолет буеров!» В предисловии к поэме «Возмездие», вспоминая начало 1910-х, А. Блок писал об особой моде в ту пору на авиацию [28. С. 185–186]. Происходили испытательные полеты, устраивались авиационные конкурсы и состязания. «Авиационные недели» на Комендантском аэродроме в Петербурге привлекали многолюдные толпы людей всех сословий, аэропланы волновали воображение поэтов и писателей. Увлечение авиацией захватывает русскую провинцию. Общественность вынашивала идею создания местного воздухоплавательного кружка, в учебных заведениях Перми читались лекции об авиации, в синематографах огромный интерес зрителей вызывали кинематографические авиационные съемки. Даже в магазинах детских игрушек продавались модели летающих аппаратов «Блерио», «Фарман», дающие представление о настоящих аэропланах. Вместе с тем Пермь имела свою «авиационную страничку», связанную с именем авиатора и поэта-футуриста В. Каменского, который в начале лета 1911 г. осуществил пробные полеты на своем моноплане системы «Блерио» на пермском ипподроме и в Нижней Курье [27. 1911. 1 апр. № 72; 3 мая. № 94; 27 мая. № 110; 20 июля. № 154]. Кроме того, на ипподроме выступили авиаторы П. Евсюков и А. Васильев.

В условиях бурного индустриального роста, когда повседневность «обрастала» промышленными предприятиями, вокзалами, биржами, возникла необходимость придать эстетическую ценность окружающей действительности, распространяется стиль модерн. Существование стиля неотделимо от контекста ускоренной модернизации, изменений в городской среде, социального благоустройства. Большие возможности открываются перед архитектурой в использовании новых жанров, технологий, материалов. Пермская пресса, рассказывая о небоскребах в Америке, употребляла термин «небоскребатели». В самой Перми открывались строительные бюро, принимавшие заказы на сооружение железобетонных конструкций, с использованием металлических конструкций возводились новые здания.

К общественно значимым постройкам относятся здания вокзалов Пермь I и Пермь II. Железнодорожный вокзал Пермь I был возведен по типовому проекту санкт-петербургского архитектора П.П. Шрейбера в 1877–1878 гг. Б. Пастернак в повести «Детство Люверс» вспоминал: «Это был вокзал провинциальный, без столичной сутолоки и зарев, с заблаговременно стягивающимися из ночного города уезжающими, долгим ожиданием; с тишиной и переселенцами, спавшими на полу, среди охотничьих собак, сундуков, зашитых в рогожу машин и не зашитых велосипедов» [29. С. 44]. Здание вокзала с островерхними башенками, напоминающее старинный терем, являлось типичным образцом «русского стиля». Здание нового вокзала Пермь II было выполнено в стиле модерн, оформлено огромным эллипсовидным окном в верхней части фасада, высокими арочными окнами,

лепниной, имело характерные для стиля криволинейные формы (в конце 1950-х гг. здание было реконструировано и приобрело современный вид).

С использованием элементов стиля модерн в Перми возводились здания учебных заведений, больниц, церквей. В рамках неорусского направления стиля модерн можно рассматривать комплекс училища слепых с Княже-Михайловской часовней, здание Кирилло-Мефодиевского общества, церковь Казанской иконы Божьей Матери. Автор последнего проекта не установлен, однако, вероятно, авторство Ю. Скавровского, В. Васнецова или В. Покровского [23. С. 145–146]; в оформлении церкви приняли участие С. Вашков и Н. Рерих [30. С. 105–106]. Городские училища – Ольгинское, Екатерино-Петровское, Стефановское, Насоновское – были выполнены по проектам В.В. Попатенко в стиле геометрического модерна. В.С. Верховланцев писал, что эти здания – «дворцы, какими и должны быть будущие школы» [31. С. 105]. К геометрическому модерну относится одна из первых построек железобетонной конструкции в Перми – дом Инженерного Товарищества, а также образец промышленного модерна – здание пивоваренного завода, выстроенное по заказу Ижевской пивоваренной компании. Модерн осваивал архитектурные жанры, расширял социальное пространство; благодаря изменениям в городской среде перемены ощущали все городские слои.

«Лицо» модерна в российском варианте – частный особняк. Самыми заметными образцами архитектурно-модерна в Перми выступают спроектированные архитектором А.Б. Турчевичем особняк «чай-сахарного короля» С.М. Грибушина и дом Е.И. Любимовой, супруги известного пароходчика и общественного деятеля. Вместе с тем в Перми, как и по всей России, просто строили. Показатель консерватизма русской провинции – архитектура обывательских домов. «Внешний облик обывательских домов был разнообразен, – пишет Я.Н. Ривош. – От почти деревянных изб, обильно украшенных резными карнизами, ставнями, оконными наличниками и балюстрадами, до домов, своеобразно сочетавших в своих пропорциях и декоре классицизм и ампир» [26. С. 8]. Горожане жили в собственных домах или снимали дома и квартиры. Рекламные объявления гласили: «Нужна квартира с хорошими каменными надворными постройками»; «Продается дом и два флигеля»; «Отдаются две комнаты со столом в мезонине»; «Приезжая дама ищет в семейном доме квартиру со столом»; «Продается дом, полукаменный, с каменным пристроем, службами, флигелем, банею и каменным подвалом». Ценились дома с теплым ватерклозетом, электрическим освещением, другими благами цивилизации.

Летом обеспеченные слои населения переселялись на дачи. Давались объявления: «Дачный дом 2-х этажный, с мезонином, балконом, отдельной усадьбой и мебелью сдается на лето, в 4-х верстах от Перми». Сохранившийся дневник гимназистки А. Лихачевой свидетельствует, что зима проходила на вечерах, танцах, катке, лето в разъездах: Курья, Казань, Рыбинск, Кавказ. 1905 год: «... уехала в Курью на дачу. ... Там катались на лодке, ходили гулять. На пароходе вчера играли какие-то странствующие музыкан-

ты» [32]. Л. МакРейнольдс указывает, что цены на путешествия внутри империи колебались в пределах от 55 до 115 руб., на поездки за границу – от 350 до 2 500 руб. [7. Р. 166].

Через призму провинциального модерна представляется возможным взглянуть на потребительскую культуру городских обывателей. Стиль модерн входил в жизнь горожан множеством предметов повседневного окружения и быта. «Он “обслуживает” всех», – пишет Д.В. Сарабьянов. Модерн «наиболее широк в своих “классовых очертаниях”»; его социальная база, «будучи чрезвычайно широкой, дает почти необозримый разворот “социального потребителя”» [33. С. 9–10]. Гостиницы, торговые учреждения, магазины также возводились в стиле модерн, например магазин Рижского Товарищества «Проводник», Торговый дом купцов Ижболдиных, «Королевские номера». Фабричный способ производства товаров, революция в сфере потребления приводят к мобильности социальной стратификации, возникновению внесловного уровня коммуникации [12. С. 546, 548]. Необходимый товар приобретался горожанами на рынках, пользовались популярностью ярмарки. Однако получил распространение феномен универсальных магазинов, торговавших разнообразными товарами – от чаев до галош. Таковыми являлись магазины П.С. Досманова, бр. Ибатуллиных и Агафуровых, А.А. Боброва, П.Г. Гаврилова и др. В магазинах покупались новые электроприборы, пишущие машинки, модные музыкальные инструменты, фотографические принадлежности, устройства для кинематографа.

В фондах Пермского краеведческого музея представлены разнообразные образцы домашней обстановки в стиле модерн, мебели, посуды, столовых приборов, канделябров, чернильниц, колокольчиков для вызова слуг и пр. Удачно характеризуют быт «прекрасной эпохи» роскошные фаянсовые сервизы фабрик Кузнецовых, изысканная продукция Гарднера и братьев Корниловых, изделия из бисквитного фарфора. Многие вещи, покрытые серебрением гальваническим способом, выполнены на фабриках Фраже, Норблин и др. Предметы варшавского производства широко использовались в быту, большинство из них было найдено на развалинах частных домов по Петропавловской, Монастырской и другим центральным улицам Перми. Мир письменного стола говорит об интересах не мещанской среды, а интеллигенции, чиновников. В музее собрана уникальная коллекция светильников, насчитывающая около 200 экспонатов, на лампах есть фирменные знаки фабрик Отто Мюллера и Эриха Гретца в Берлине, Хуго Шнайдера в Лейпциге, братьев Брюннер в Вене [34. С. 8–9]. Среди владельцев этих предметов профессора, провизоры, служащие железнодорожных мастерских. Осветительные приборы органично входили в интерьер «бель эпок», становились украшением быта высших и средних слоев. Мода влияла на обстановку домов и квартир обеспеченных горожан, товарное изобилие приучило обывателя ценить комфорт и разнообразие.

Известными модными магазинами на карте Перми являлись «Парижский шик», магазин белья М.Я. Зыряновой, дамских платьев, капотов, матине и чулок

Б.Д. Бруштейн, фирменный шляпный магазин П.Б. Кулешевского, «Варшавский магазин Мондшейн», «Европейский магазин готового платья» и многие другие. Массовый выпуск швейных машин, распространение модных журналов с прилагающимися выкройками и образцами одежды позволяли женщинам шить самим. В продажу поступали журналы «Chiffons», «Les Grandes de Paris», «The Latest Novelty Lux», «The Latest Novelty», «Венский шик», «Модный свет», «Русский базар», «Модистка», «Декольте» и др. В пермской губернской прессе печатались статьи о европейских институтах красоты «Мученичество ради красоты», «Барышни-манекенщицы», «Как создается дамская мода?».

Сохранившиеся в фондах провинциального музея экспонаты дамской одежды являются яркими образцами женского туалета в стиле модерн, наглядно демонстрирующими разнообразие моды начала века. При этом даже маленький декоративный крючок для женской одежды несет отпечаток ведущего стиля, как, например, ажурная застежка-аграф из бакелита, выполненная под гагат, с симметричным прозрачным узором – на фоне завитков, листвы, розовых бутонов два женских профиля с длинными волосами. В фондах музея имеются предметы, которыми владели горожане разных сословий, например, летний зонтик, двухслойный, нижний слой фестончатый, верхний – из белого тюля с вышивкой, принадлежал семье мастерового Мотовилихинских заводов, или флакон «Цветочного одеколора Брокер и К^о в Москве. Персидская сирень» поступил из семьи котельщика железнодорожных мастерских. Широкое распространение предметов «белой эпохи» свидетельствует о том, что горожане приучались ценить качество, красивые и модные вещи.

С.Ю. Малышева отмечает, что время отдыха разных сословий различилось, однако происходило сближение временных алгоритмов жизни горожанина; в модернизационном дискурсе появилась категория свободного, или праздного, времени; свободное время стало ассоциироваться с потреблением [14. С. 39–78]. Российская провинция имела свои особенности развлекательной культуры, которая во многом оставалась традиционной и сохраняла сословный характер. Между тем появлялись массовые виды отдыха, позволяющие говорить о стирании социальных барьеров в спросе на развлечения.

Центром культурной жизни Перми являлся городской театр. Как отмечали современники, «во всех слоях общества единственная и всепоглощающая тема – театр» [27. 1896. 8 дек. № 261]. В пермском театре проходили гастроли Г. Федотовой, А. Яблочкиной, В. Комиссаржевской, В. Давыдова, А. Южина, П. Орленева, Л. Собинова, А. Вяльцевой, приезжали лондонские танцевальные и итальянские оперные труппы. Жителей города называли «операманами». Об экзальтированных проводах театрального сезона в Перми в 1899 г. пресса высказывалась: «Выражение “полный сбор” не даст понятия о той сплошной массе народа, которая переполняла последние дни городской театр. Что же касается последнего спектакля, то те, которые попали на него, отныне имеют отчетливое

и очень реальное представление о подлинном вавилонском столпотворении. Стоял рев, положительно похожий на шум моря во время бури, оглушающий рев стоял не только в театре, но и снаружи, на всей площади...» [27. 1899. 2 марта. № 47].

Городское общество являлось сословно-структурированным, «избранное общество» собиралось в клубы – Благородное, Купеческое (Общественное), Офицерское собрания. Пермь была не богата учреждениями, где «скусающий обыватель средней руки» мог провести время, Благородное и Общественное собрания были ему не по карману, поэтому канцелярский люд, приказчики проводили время где придется. В начале 1911 г. по примеру существовавшего прежде общества приказчиков открылось Пермское семейное собрание служащих, которое привлекло «лиц, служащих в торгово-промышленных предприятиях, городских общественных учреждениях, частных конторах, банках, аптеках и т.д.» [Там же. 1910. 12 дек. № 270; 1911. 5 марта. № 50]. Клубный досуг был своего рода продолжением «семейных вечеров», вынесенных в публичное пространство [14. С. 151].

В начале века появляется больше публичных видов досуга и в то же время расширяется частное пространство горожанина. Гимназистка А. Лихачева в дневнике свидетельствует, что домашние вечера часто проводили у граммофона. 1903 год: «Папа купил у Агафуровых 7 пьес для граммофона и теперь играет одну из них» [32]. В юношеском дневнике девушка ссылается на прочитанную литературу, цитирует известных поэтов – М. Прево, Ф. Тютчева, А. Белого, Д. Мережковского, однако читала она также массовую литературу. В описании чувств и переживаний часто фигурирует понятие «скука». Это понятие распространяется в повседневности средних слоев и говорит об индивидуализации досуга, изменении требований к его качеству.

В культурной топографии города местом общедоступного отдыха являлись летние сады. Мода на вокзалы и увеселительные сады распространялась в XIX в. из столиц, где в Павловском вокзале играл И. Штраус, а в Первопрестольной повелителем сказочного, залитого огнями «Эрмитажа» выступал М. Лентовский. Самым крупным садом в Перми был городской сад, или сад за бульваром, среди других – театральный, «Козий загон», Анастасьевский, Гоголевский; имелся сад при театре в Мотовилихе. Общедоступные сады нередко становились площадками конфликтов с публикой «из простого звания», в то же время они аккумулировали новые, современные, формы отдыха. В городском саду имелись открытая и закрытая сцены, шли постановки легких жанров, работал тир, вслед за фонографом гастролеровал кинематограф. По требованию городской думы «во время летнего сезона гуляние в саду должно быть всегда и для всех желающих бесплатное» [35. Д. 34. Л. 58–59, 89]. Общественное собрание, содержащее городской сад, не имело права возводить в саду зданий цирка и кафешантанов, однако новый договор, выработанный в 1912 г. сроком на 10 лет, включил пункт о кинематографе [35. Д. 34. Л. 112–113, 142].

Рассматриваемый период – время необыкновенной популярности цирка. «Ходят все, и в этом – характеристика запросов публики», – отмечала местная печать [27. 1897. 7 июня № 121]. Вместе с тем цирк – это свидетельство трансформации балагана и профессионализации общедоступной культуры. Именно цирк до распространения кино заполнил пустующую нишу в системе городских развлечений, предназначенных прежде всего для низов и средних слоев городских обывателей. Массовый зритель в городах начал выставлять свои требования городской культуре, и это была потребность в увеселениях отнюдь не книжных и театральных, напротив – развлекательных, зрелищных, динамичных.

Среди цирковых трупп и артистов, посетивших Пермь, – цирк М. Труцци, Владимир и Анатолий Дуровы. Цирк становился современным зрелищем, обогащался новыми спортивными номерами. Большим успехом продолжали пользоваться конные номера, гастролировавшим в 1897 г. цирком Н.К. Боровского устраивались представления на импровизированном ипподроме, и особенно много народу собирали скачки, где соревновались профессионалы и местные любители. Показывались пантомимы, представлявшие собой новое, но приобретающее успех зрелище, «Парижские модистки», «Серпантин, или Американский серпантинный танец» и др. Гвоздем цирковых программ тех лет являлась борьба атлетов. В Перми выступали атлеты А. Горец, П. Крылов, С. Елисеев, Г. Злобин, братья Азон. Наибольший интерес вызывали состязания известных атлетов с местными силачами. Купцы назначали вознаграждения тем из них, кто победит приезжих знаменитостей. Вызовы любителям повсеместно практиковались в цирках, к таким же уловкам будут прибегать кинематографисты, снимая местную хронику.

Панорама городской развлекательной культуры широка и разнообразна, об этом свидетельствует колоссальный спрос на различные виды массового отдыха. Провинциалы отмечали, что «конец века» не чувствуется, напротив, «нет отбоя от зрелищ», «с каждым годом летом их больше», «напропалую веселящийся город», «гастрольный город». Действительно, «небольшой город, прекрасно содержащий, вечно сытно кормящий дорогую оперу, – интереснейший город для антрепренеров, – свидетельствовали хроникеры. – А вне оперного сезона он не обижает и других: цирки, концерты, гуляния, приватные спектакли. Пермь тратит в год больше 100 000 руб. на зрелища. Это – хорошие, внушительные деньги. Актеры те прямо с каким-то благоговением говорят о Перми: редкий город, чудная публика. ...В Казани нет того, что у нас: оперетка, цирк, картины Деринга, китайцы, канатоходцы и др. “артисты” в “загоне”, фонографы, затем свои – любительские спектакли, танцевальные вечера, велосипедные гонки... Сколько оркестров громыхает ежевечерне: в саду Общественного собрания, в оперетке, в “Благородске”, в цирке... Столица да и только!» [27. 1899. 15 авг. № 175].

Даже у современников поневоле возникал вопрос: «...откуда столько народа и... денег?». Чем и почему влекли провинциалов разнообразные зрелища, в изобилии предлагавшиеся «прекрасной эпохой»?

При сохранении традиционных субкультур городского общества формируется массовый потребитель продукции зарождающейся коммерческой индустрии. На рынке развлечений были популярны увеселительные сады, цирковые забавы, народные гуляния, спортивные состязания. Предпосылкой развития массовой культуры являются десакрализация сезонных праздников, трансформация их в способ развлечения, игры, потребления, получения рыночной прибыли. Легкие жанры, фарсы, оперетка, открытые сцены с куплетистами, вокалистами, танцовщицами притягивали к себе разные социальные слои городского, а благодаря индустрии печати, фотографии, граммофиона, кинематографа – и сельского населения.

Социальная база зрелищной культуры расширялась, и неизбежно должны были возникнуть новые ее формы. В столицах открываются театры шантанного типа, составляющие свои программы из оперетт и эстрадных номеров. В провинции входящую в моду шантанную программу могли предложить рестораны и летние сады. Рестораны и гостиницы публиковали в газетах изощренные меню своих кухонь и привлекали билльярдными и залами для концертов, выступлениями ансамблей танцоров, певцов, цыган, гармонистов, мандолинистов, хоров, капелл, артистов с «заграничными» именами. Е.Д. Уварова в книге «Как развлекались в российских столицах» отмечает, что роль шантанов в России издавна выполняли трактиры. «Разного ранга, ориентированные на различную публику, они предоставляли не только угощение, но нередко и развлечение: непрменный орган, билльярд, хор, небольшие оркестры» [36. С. 145].

Городская элита организует общества и кружки, отвечающие духу современности и быту «прекрасной эпохи», – фотографическое общество, спортивные объединения. В 1897 г. создается Пермское общество велосипедистов, ставшее самым авторитетным спортивным объединением в губернской столице. Любители велосипедного спорта ездили на английских велосипедах «Гумбер», «Энфильд», «Витворт», «Свифт». Велосипеды «Кроуфорд» стоили от 155 до 188 руб., «Нью-Гау» и «Нью-Ярд» – 215 руб. Вместе с тем стали пользоваться спросом американские велосипеды «Виктор», «Гикори» и других фирм. Велосипед американской фирмы можно было купить за 40 руб. Летом 1899 г. открылся велодром. Участок для его устройства был выделен на территории городского сада [35. Д. 151. Л. 12, 19–20]. На велодроме устраивались гонки, каждое воскресенье проходили гуляния. Гуляния организовывались бесплатные, порой наблюдалась давка и теснота, в связи с чем для удобства публики было предложено устроить трибуну с местами на 400–500 человек [Там же. Д. 27. Л. 291, 293]. Летом объявлялись «Бега и скачки». Постоянно действующий в Перми ипподром был открыт в 1900 г. Участок для ипподрома отведен за городским садом по ходатайству Пермского общества любителей рысистого конского бега [Там же. Д. 151. Л. 12].

Приметой времени стало появление модных лаунтенниса, футбола, серсо, крокета. В Перми создавались детские сады и проводились игры по системе Лесгафта и Фребелевских обществ. Общество содействия физиче-

скому воспитанию детей, возникшее в 1912 г., ставило своей целью организацию детского досуга на свежем воздухе – катания с американских гор, на буерах, игр в футбол, лаун-теннис, устройство открытого скетинг-ринга [35. Д. 151. Л. 21–22]. Популярным увлечением времени являлась сокольская гимнастика. В фондах управы сохранилось обращение к голове города от директора пермской гимназии по поводу устройства репетиций и проведения Сокольского праздника учащихся мужских и женских учебных заведений на одной из центральных площадей города [Там же. Л. 40]. В мае 1914 г. в электротeatре «Мираж» показывались ленты «Пермь на экране. Праздник Сокольской гимнастики» и «9 мая в Перми. Смотрите себя и своих знакомых на экране». В 1914 г. в Перми возник речной яхт-клуб, поставивший своей целью «развитие всех видов водного спорта», а кроме того, других «гимнастических, атлетических и иных упражнений, содействующих физическому развитию и укреплению здоровья» [Там же. Л. 44].

Тема спорта находила отражение в видовом кинематографе, на пермских велодроме и ипподроме съемки осуществлялись сотрудниками электротeatра «Триумф», сюжеты отправлялись в популярный «Пате-журнал». Увлечение горожан спортом, «спортomanия» становились предметом насмешек в широко демонстрировавшихся комических картинах «Глупышкину подарили мяч», «Макс Линдер на катке», «Чемпион бокса. Комическая Макса Линдера», «Скандалини-боксер», «Нуазет – велосипедист-эксцентрик», «Фрико увлекся зимним спортом» и др.

Кинематограф явился продуктом научного и технического прогресса XIX столетия и воплотил эйфорическую атмосферу «прекрасной эпохи». Кино появилось в российских городах через полгода после исторического сеанса братьев Люмьер на бульваре Капуцинок. Летом 1896 г. синемаграф демонстрировался на Нижегородской художественно-промышленной выставке, осенью того же года состоялось его «триумфальное шествие» по городам Урала и Сибири. Первые киносеансы прошли в Перми в особняке В. Ковальского в самом центре города.

Изучая материал русской провинции, можно выявить способы существования синема, аналогичные тем, что имели место в европейских столицах или американской глубинке. Согласно концепции Т. Ганнинга, раннее кино не существовало как форма самостоятельного зрелища, а вписывалось в программу развлечений ярмарок, театральных вечеров, увеселительных парков [37. Р. 63–70]. Кинопоказы в Перми проходили в передвижных балаганах, городских клубах, загородном саду. После того как киносеансы стали занимать целый вечер, на улицах городов зажглись огни синемаграфов. В Перми кинематографы назывались «Одеон», «Иллюзион», «Модерн», «Аполло», «Триумф», «Мираж» и др. Многие электротeatры имели большие залы с ложами, обширные салоны-фойе и вестибюли, парадные лестницы со швейцарями, входы, украшенные электрическими вывесками. Некоторые из них функционировали с кафе ресторанного типа и оформлялись в стиле модерн.

Интерес западной историографии кино сегодня смещен к исследованию киносеанса, кинопубли-

ки [37–39]. Общей тенденцией развития театров для высших классов и дешевых никельодеонов, отмечает Э. Боусер, являлось закрытие тех и других, потому что через несколько лет каждый в больших городах ходил в одни и те же театры, смотрел одни и те же фильмы, ходили все классы и целыми семьями [40. Р. 3, 8–10]. Пермские хроникеры называли среди публики учащихся, военных, светских дам, демонстрировавших последние новинки шляпной моды. Преобладающий контингент в электротeatрах – учащая молодежь, писала пресса, иллюзионы посещаются «более всего малышами-учащимися и детьми, но с наступлением весеннего сезона и введением в моду громадных дамских шляп малышам-детям в зрительном зале “Иллюзиона” ровно-таки ничего не видно из-за упомянутых шляп» [27. 1909. 7 апр. № 74].

Кинематограф являлся важнейшим транслятором ценностей модерна. Видовые фильмы представляли современные города и неведомые уголки со всего мира, они отражали различные модернизационные процессы, и посетитель кинематографа сопоставлял увиденное с собственной жизнью. На Урале съемку осуществляли С. Прокудин-Горский, В. Метенков, местные кинотеатры. Еще больше информации несли для посетителей синемаграфов игровые картины, они открывали мир частной жизни людей, образа их мыслей и интересов. Многие новшества вступали в противоречия с традиционным мышлением обывателей и создавали различные возможности для обыгрывания этих парадоксов современной жизни. Б. Балаш пишет: «Макс Линдер, один из первых корифеев киногротеска, идет покупать ванну. Купив, он хочет сам донести ее до дому. ...Эта шутка кинематографична не только потому, что позволяет показать многое такое, что не покажешь на сцене, но и потому, что эти новые мотивы вызывают такие гротескные психологические реакции, которых до сих пор невозможно было вызвать» [41. С. 43]. Комедии с Максом Линдером показывали современного горожанина с его манерой двигаться, одеваться, окружать себя новыми предметами, проводить свободное время, развлекаться.

Накануне войны появилось классическое нарративное кино, которое способствовало возникновению индивидуализирующего способа восприятия фильма. Популярность приобрели «драмы из современной жизни», салонные мелодрамы, экранизации романов бульварных авторов и газетных судебных колонок. Серии «Фантомаса» Л. Фейада погружали «зрителя в полную жизнь, воздуха, шарма “бель эпок”» [42. С. 89]. В датских картинах посетитель кинематографа видел первую трагическую музу экрана – А. Нильсен, а в итальянских лентах перед ним предстали кинодивы Л. Борелли, Л. Кавальери, Ф. Бертини и др. В рамках «Русской золотой серии» режиссерами В. Гардиным и Я. Протазановым снимаются «Ключи счастья». В провинции демонстрируются первые фильмы Е. Бауэра «Страшная месть горбуна К», «Сумерки женской души», «Немые свидетели». Популярное кино способствовало распространению стандартов «красивой жизни» и моды стиля модерн. В то же время кинематограф предлагал новые модели жизни в большом городе, в нем находили выражение ценности частного существования человека.

Наделив жизнь провинциального российского города рубежа XIX–XX вв. чертами «прекрасной эпохи», культуры модерна, мы обратили внимание на средние городские слои. На фоне роста численности городского населения в губернской Перми происходили качественные изменения в социальном благоустройстве города. «Плоды прогресса» жители видели не только в кинематографе, европейский комфорт становился реальностью в больших городах.росло число потребителей прогресса, доказательством крепнущего среднего класса явился его спрос на изящные и красивые вещи, разнообразные и современные виды отдыха. Распространение стиля модерн в городской повседневности выразилось в жанровом многообразии архитектуры; мода модерна нашла

широкое бытование в индивидуальном быту самых разных слоев населения. Свободное время стало символическим капиталом горожанина, которым он распоряжался, приобщаясь к новой массовой развлекательной культуре. Современными, европейскими, формами организации досуга стали клубы, фотографический, велосипедный, яхт-клуб и др. Технические новинки и современные увлечения были доступны не всем жителям губернской столицы. Индустриальная урбанизация, культура модерна вступали в конфликт с архитрадиционализмом, многоукладностью, образом жизни и мышления городских окраин. Вместе с тем провинция имела высокие стандарты потребления, наряду с публичными практиками расширяла частное досуговое пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Периодизация истории и «переходные периоды» в современной зарубежной историографии. М. : ИНИОН РАН, 2012. 148 с.
2. Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 140. С. 19–44.
3. Эткинд А. Обратимая современность // Новое литературное обозрение. 2016. № 140. С. 70–73.
4. Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia / ed. by M.D. Steinberg and S.P. Frank. Princeton : Princeton UP, 1994. 224 p.
5. Entertaining Russia: Tales, Songs, Plays, Jokes, Ads, and Images from Russian Urban Life 1779–1917 / ed. by J. Von Geldern, L. McReynolds. Bloomington : Indiana UP, 1998. 448 p.
6. Swift E.A. Popular Theater and Society Tsarist Russia. Berkeley : California UP, 2002. 346 p.
7. McReynolds L. Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. Ithaca, NY : Cornell UP, 2003. 309 p.
8. Marjorie L. Hilton. Selling to the Masses: Retailing in Russia, 1880–1930. Pittsburgh : Pittsburgh UP, 2012. 344 p.
9. Lovell S. Between Arcadia and Suburbia: Dachas in Late Imperial Russia // Slavic Review. 2002. № 1. P. 66–87.
10. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. М. : Искусство, 1988. 216 с.
11. Муравьева И.А. Век модерна. Панорама столичной жизни. СПб. : Пушкинский фонд, 2004. Т. 1–2. 272 с.
12. Хренов Н.А., Соколов К.Б. Художественная жизнь императорской России. Субкультуры, картины мира, ментальность. СПб. : Алетея, 2001. 810 с.
13. Хренов Н.А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб. : Алетея, 2005. 406 с.
14. Малышева С.Ю. Праздник, досуг, вечер: Культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX века. М. : Academia, 2011. 191 с.
15. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX веках. Казань : Казанский государственный университет, 2008. 452 с.
16. Михайлов В. Рассказы о кинематографе старой Москвы. М. : Материк, 2003. 279 с.
17. Ватолин В. Синема в Сибири: очерки истории раннего сибирского кино (1896–1917). Новосибирск : Новосиб. гос. краевед. музей, 2003. 172 с.
18. Алексеева Е. Кинематограф в Казани. 1897–1917. Казань : Фэн, 2007. 182 с.
19. Цивьян Ю., Ковалова А. Кинематограф в Петербурге 1896–1917. Кинотеатры и зрители. СПб. : Мастерская СЕАНС, 2011. 240 с.
20. Цивьян Ю., Ковалова А. Кинематограф в Петербурге (1907–1917). Кинопроизводство и фильмография. СПб. : СПбГУ, 2012. 384 с.
21. Терехин А.С. Пермь. Очерк архитектуры. Пермь : Перм. книжн. изд-во, 1980. 120 с.
22. Старцева О.В. Стиль модерн и архитектура Перми начала XX века // В поисках истины. Интеллигенция провинции в эпоху общественных потрясений. Пермь : ПГУ, 1999. 191 с.
23. Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья. Пермь : Книжный мир, 2003. 216 с.
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. : в 89 т. СПб., 1904. Вып. 31.
25. Бушмаков А.В. Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начала XX века : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 210 с.
26. Ривош Я.Н. Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М. : Искусство, 1990. 304 с.
27. Пермские губернские ведомости. 1896–1916.
28. Блок А. Возмездие // Собрание сочинений : в 6 т. М. : Худ. лит., 1971. Т. 3. С. 185–230.
29. Пастернак Б.Л. Детство Люверс. М. : Детская литература, 1991. 223 с.
30. Маточкин Е.П. Пермский иконостас Николая Рериха. Самара : Агни, 2003. 144 с.
31. Верхоланцев В.С. Город Пермь: его прошлое и настоящее. Пермь : Пушкин, 1994. 255 с.
32. Фонд Лихачевой (Зотиной) А.Я. // Пермский краеведческий музей. Коллекция документальных источников. НВ 6351/1 – 289.
33. Сарабьянов Д.В. Стиль модерн. М. : Искусство, 1989. 294 с.
34. Светильники. Коллекция осветительных приборов Пермского областного краеведческого музея. Пермь : Перм. книж. изд-во, 1990. 102 с.
35. Государственный архив Пермского края. Ф. 27, 35, 151.
36. Уварова Е.Д. Как развлекались в российских столицах. СПб. : Алетея, 2004. 278 с.
37. Gunning T. The Cinema of Attraction: Early Film, Its Spectator, and the Avant-Garde // Early cinema: Space, Frame, Narrative / ed. by Th. Elsaesser with A. Barker. L. : British Film Institute, 1990. P. 63–70.
38. Stamp S. Movie Struck Girls: Woman and Motion Picture Culture after the Nickelodeon. Princeton : Princeton UP, 2000. 274 p.
39. Biltereyst D., Maltby R., Meers P. Cinema, Audiences and Modernity: New Perspectives on European Cinema History. N.Y. : Routledge, 2013. 232 p.
40. Bowser E. The Transformation of Cinema, 1907–1915. Berkeley : California UP, 1990.
41. Балаш Б. Кино. Становление и сущность нового искусства. М. : Прогресс, 1968. 328 с.
42. Зоркая Н. «Светопись» Евгения Бауэра // Искусство кино. 1997. № 10. С. 77–93.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 июня 2017 г.

THE BELLE ÉPOQUE IN PROVINCES: MODERNIZATION PROCESSES IN A RUSSIAN CITY OF THE 19TH–20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 172–180.

DOI: 10.17223/15617793/422/25

Vera V. Ustyugova, Perm State National Research University (Perm, Russian Federation). E-mail: vera_ust@list.ru

Keywords: cultural modernity; Belle Époque; urbanization; Art Nouveau; mass culture; consumerism; leisure.

The paper looks at the possibility to apply the notion of the Belle Époque to the urban culture in Russia at the turn of the 20th century. An extensive field of modernity research contains the studies of cultural modernity brought into this world by extensive industrialization, rapid expansion of the cities, growing dominance of the middle class, inventions changing the texture of everyday life, bourgeoisie taste in goods, possibilities of new media. The statement is illustrated with the materials of the provincial Perm, the culture of the middle urban strata attracted special attention. At the turn of the 20th century Perm saw electric light, a water supply system, new means of connection and transport. Infrastructure progress and social city development, the Art Nouveau style expansion and consumer culture, new leisure activities are described in the context of the Belle Époque. The middle class became stronger, which can be proved by its demand in delicate and beautiful things, different and modern types of recreational activities. Modern style expansion in urban daily life could be observed in varied architecture, in the construction of stations, exchange houses, educational institutions, hospitals, churches. Modern fashion was widely applied in individual households of quite different population strata. Free time became a symbolic capital of citizens which they could spend on getting more acquainted with the new entertainment culture. The industry of mass entertainments – cinematography, circuses, small form theaters, entertaining gardens – was still popular in the province. Photography, bicycle, yacht clubs became modern ways to organize one's free time, more and more people became enthusiastic about football, athletics. Perm demonstrated aviation flights, the streets of the city were full with automobiles. The means of "technical reproduction" – media, advertisement, photography, postal cards, cinema – served to be the translators of the Belle Époque values in the capital and provincial cities. Technical innovations and modern interests were not available to all citizens of the provincial capital. Industrial urbanization, modern culture were in conflict with traditionalism, multistructurality, way of life and thinking in the city suburbs. Along with that, the province had very high standards of consumption, the private leisure space was also extended together with public practices of rest and entertainment.

REFERENCES

1. Metlitskaya, Z. Yu. (ed.) (2012) *Periodizatsiya istorii i "perekhodnye periody" v sovremennoy zarubezhnoy istoriografii* [Periodization of history and "transitional periods" in contemporary foreign historiography]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS.
2. David-Fox, M. (2016) *Modernost' v Rossii i SSSR: otсутstvuyushchaya, obschchaya, al'ternativnaya ili perepletennaya?* [Modernity in Russia and the USSR: absent, general, alternative or intertwined?]. Translated from English by T. Pirusskaya. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 140. pp. 19–44.
3. Etkind, A. (2016) *Obratimaya sovremennost'* [Reversible modernity]. Translated from English. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 140. pp. 70–73.
4. Steinberg, M.D. & Frank, S.P. (eds) (1994) *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*. Princeton: Princeton UP.
5. Von Geldern, L. & McReynolds, L. (eds) (1998) *Entertaining Russia: Tales, Songs, Plays, Jokes, Ads, and Images from Russian Urban Life 1779–1917*. Bloomington: Indiana UP.
6. Swift, E.A. (2002) *Popular Theater and Society Tsarist Russia*. Berkeley: California UP.
7. McReynolds, L. (2003) *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*. Ithaca, NY: Cornell UP.
8. Hilton, M.L. (2012). *Selling to the Masses: Retailing in Russia, 1880–1930*. Pittsburgh: Pittsburgh UP.
9. Lovell, S. (2002) Between Arcadia and Suburbia: Dachas in Late Imperial Russia. *Slavic Review*. 1. pp. 66–87. DOI: 10.2307/2696983
10. Nekrylova, A.F. (1988) *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha* [Russian folk city holidays, amusements and shows]. Moscow: Iskusstvo.
11. Murav'eva, I.A. (2004) *Vek moderna. Panorama stolichnoy zhizni* [The Age of Art Nouveau. Panorama of the metropolitan life]. Vols. 1–2. St. Petersburg: Pushkinskiy fond.
12. Khrenov, N.A. & Sokolov, K.B. (2001) *Khudozhestvennaya zhizn' imperatorskoy Rossii. Subkul'tury, kartiny mira, mental'nost'* [The artistic life of imperial Russia. Subcultures, pictures of the world, mentality]. St. Petersburg: Aleteyya.
13. Khrenov, N.A. (2005) "Chelovek igrayushchiy" v russkoy kul'ture ["The playing man" in Russian culture]. St. Petersburg: Aleteyya.
14. Malysheva, S.Yu. (2011) *Prazdnyy den', dosuzhiy vecher: Kul'tura dosuga rossiysskogo provintsial'nogo goroda vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Idle day, leisure night: Culture of leisure of the Russian provincial city of the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries]. Moscow: Academia.
15. Vishlenkova, E.A., Malysheva, S.Yu. & Sal'nikova, A.A. (2008) *Kul'tura povsednevnosti provintsial'nogo goroda: Kazan' i kazantsy v XIX–XX vekakh* [Culture of the daily life of the provincial city: Kazan and Kazan residents in the 19th–20th centuries]. Kazan: Kazan State University.
16. Mikhaylov, V. (2003) *Rasskazy o kinematografe staroy Moskvy* [Stories about the cinematography of old Moscow]. Moscow: Materik.
17. Vatolin, V. (2003) *Sinema v Sibiri: ocherki istorii rannego sibirskogo kino (1896–1917)* [Cinema in Siberia: essays on the history of early Siberian cinema (1896–1917)]. Novosibirsk: Novosib. gos. kraeved. muzey.
18. Alekseeva, E. (2007) *Kinematograf v Kazani. 1897–1917* [Cinematography in Kazan. 1897–1917]. Kazan: Fen.
19. Tsvi'yan, Yu. & Kovalova, A. (2011) *Kinematograf v Peterburge 1896–1917. Kinoteatry i zritel'i* [Cinematography in St. Petersburg, 1896–1917. Cinemas and spectators]. St. Petersburg: Masterskaya SEANS.
20. Tsvi'yan, Yu. & Kovalova, A. (2012) *Kinematograf v Peterburge (1907–1917). Kinoproizvodstvo i fil'mografiya* [Cinematography in St. Petersburg (1907–1917). Film production and filmography]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
21. Terekhin, A.S. (1980) *Perm'. Ocherk arkhitektury* [Perm. Essay on architecture]. Perm: Perm. knizhn. izd-vo.
22. Startseva, O.V. (1999) *Stil' modern i arkhitektura Permi nachala XX veka* [Art Nouveau and Perm architecture of the early twentieth century]. In: Yankovskaya, G.A. et al. (eds) *V poiskakh istiny. Intelligentsiya provintsii v epokhu obshchestvennykh potryaseniy* [In search of truth. The intelligentsia of the province in the era of social upheaval]. Perm: Perm State University.
23. Kantorovich, G. & Kazarinova, N. (2003) *Arkhitektury i arkhitekturnye pamyatniki Permskogo Prikam'ya* [Architects and architectural monuments of Perm Kama]. Perm: Knizhnyy mir.
24. Anon. (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii. 1897 g.: v 89 t.* [The first general census of the Russian Empire of 1897: in 89 vols]. Vol. 31. St. Petersburg.
25. Bushmakov, A.V. (2006) *Izmeneniya mental'nosti gorodskogo naseleniya rossiysskoy provintsii v kontse XIX – nachala XX veka* [Changes in the mentality of the urban population of the Russian province in the late nineteenth and early twentieth centuries]. History Cand. Diss. Perm.

26. Rivosh, Ya.N. (1990) *Vremya i veshchi: Ocherki po istorii material'noy kul'tury v Rossii nachala XX veka* [Time and things: Essays on the history of material culture in Russia at the beginning of the 20th century]. Moscow: Iskusstvo.
27. *Permskie gubernskie vedomosti*. (1896–1916).
28. Blok, A. (1971) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 185–230.
29. Pasternak, B.L. (1991) *Detstvo Lyuvers* [The Childhood of Luvers]. Moscow: Detskaya literatura.
30. Matochkin, E.P. (2003) *Permskiy ikonostas Nikolaya Rerikha* [The Perm iconostasis of Nicholas Roerich]. Samara: Agni.
31. Verkholantsev, B.C. (1994) *Gorod Perm: ego proshloe i nastoyashchee* [The city of Perm: its past and present]. Perm: Pushka.
32. Perm Local History Museum. Collection of documentary sources. NV 6351/1-289. *Fond Likhachevoy (Zotinoy) A.Ya.* [Fund of A.Ya. Likhacheva (Zotina)].
33. Sarab'yanov, D.V. (1989) *Stil' modern* [Art Nouveau style]. Moscow: Iskusstvo.
34. Bezdenezhnykh, T. & Karlyuk, T. (1990) *Svetil'niki. Kolleksiya osvetitel'nykh priborov Permskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Fixtures. Collection of lighting devices of the Perm Local History Museum]. Perm: Perm. knizh. izd-vo.
35. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund 27, 35, 151. (In Russian).
36. Uvarova, E.D. (2004) *Kak razvlekalis' v rossiyskikh stolitsakh* [How they entertained themselves in Russian capitals]. St. Petersburg: Aleteyya.
37. Gunning, T. (1990) The Cinema of Attraction: Early Film, Its Spectator, and the Avant-Garde. In: Elsaesser, T. & Barker, A. (eds) *Early cinema: Space, Frame, Narrative*. Leningrad: British Film Institute.
38. Stamp, S. (2000) *Movie Struck Girls: Woman and Motion Picture Culture after the Nickelodeon*. Princeton: Princeton UP.
39. Biltereyst, D., Maltby, R. & Meers, P. (2013) *Cinema, Audiences and Modernity: New Perspectives on European Cinema History*. New York: Routledge.
40. Bowser, E. (1990) *The Transformation of Cinema, 1907–1915*. Berkeley: California UP.
41. Balash, B. (1968) *Kino. Stanovlenie i sushchnost' novogo iskusstva* [Formation and essence of the new art]. Moscow: Progress.
42. Zorkaya, N. (1997) “Svetopis” Evgeniya Bauera [“Daguerreotypy” by Eugene Bauer]. *Iskusstvo kino*. 10. pp. 77–93.

Received: 27 June 2017